

то на службу почти 260,000 человек. Но ушное коммюнике нашей армии, повинованию, рискует скоро испытать значительные трудности. В 1893 г. в армию поступило из служб призыва 57,000 человек, получило отсрочку на невозможности—77,000 человек и отправлено на испытание—13,000. Большая же цифра призыва и отсрочки, достигая 150,000 человек, что составляет свыше 20 пром. призывающих.

Эти итоги наводят на несомненные размышления, особенно, если принять во внимание, что требования в отношении физического развития и роста у нас несколько понижены против прежнего времени.

В Петербурге и в Москве затеяна выставка картин знаменитого, недавно скончавшегося, польского, художника Матейки. Варшавский корреспондент „Русского Обозрения“ говорит по этому поводу: Пронесши год унес, въ мѣсяцъ одного изъ нашихъ, въ 1893 г., изобразилъ польскаго художника Иа Матейка. Вдохновенный, проливши Рѣи Посольствъ, Матейка, члѣнъ вѣнчанныхъ и блестящихъ, и мѣсто въ исторіи Польши. Матейка, члѣнъ общины для своихъ картинъ изъ польской исторіи, выбралъ такіе моменты, которые, по его мнѣнію могли бы возбудить въ полякахъ духъ „патріотизма“ и бор...

Дѣятельности Матейки извѣстно много общаго съ дѣятельностью Мицкевича. Оба они посвятили свои выдающиеся таланты служению „отчизнѣ“, оба вѣнчались славою „свободной“ Польши отъ моря до моря, оба своими произведеніями будили и разжигали въ полякахъ „патріотическія чувства“, оба окружены поляками благодарными поклоненіемъ, прежде всего за службу „народамъ дѣла“, то-есть, идею политическаго возрожденія Польши. Между ними можно провести и еще одну параллель: оба были неистощимы. Матейка рожденъ чуждъ „Мицкевичемъ“, то-есть, съ соціальнаго, извѣстно немногочисленъ изъ насъ, —бѣдуюсь.

Матейка былъ политическимъ художникомъ, историкомъ, его картины, это иллюстрація къ истиннонашимъ историческимъ событіямъ, историкомъ и къ „сочетаніямъ“ дѣятельности польской „справы“. Увлеченію логикою идей, Матейку укрѣпляло, поляки свои предшественники, —традиціонныя ошибки, „дѣла невинности“, —какъ выразился Пушкинъ о Мицкевичѣ.

Полонизмъ Матейки собираетъ выставку, полагая, что картина, съ которой „нашъ“ Матейка въ Москву, Варшавѣ и другихъ русскихъ городахъ. Когда въ Варшавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ была устроена выставка картинъ, Айвазовскаго, поляки отказались ходить на нее, въ силу своего повторнаго, въ 1889 году, когда Варшаву посетили „перевозчики“, когда прѣзжалъ туда „нашъ“ Матейка, поляки не захотѣли, —то-есть, Матейка въ Петербургѣ имѣлъ русскіе художники и профессора, варшавские же и враждебные композиторы и музыканты, относившіеся совершенно безучастно къ смерти Чайковскаго.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ національнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Покажи, что и не подобаетъ, хотя намъ, русскимъ, можно, ни мало не понимая своего достоинства, не придавать значенія всѣмъ этимъ не особенному умнымъ выходкамъ и не платитъ за нихъ того-то: монетою; великому наряду не идетъ уныніемъ до мелкихъ счетовъ, поразившихъ национальнѣе фанатизмомъ и застарѣлымъ преубѣжденіемъ. Пусть Матейко былъ нашимъ политическимъ врагомъ, это не помѣшаетъ намъ отдать должное его таланту и трудамъ для искусства.

Приказъ министра заключается общими словами съ его стороны лично весьма тщательно слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла.

8-го февраля открылся въ Петербургѣ общій сѣздъ представителей русскихъ жѣлѣзныхъ дорогъ по выработкѣ лѣтнихъ расписаній пассажирскихъ, воинскихъ и ускоренно-товарныхъ поѣздовъ.

Бывшій министръ юстиціи Н. А. Мамаевъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Съ будущаго учебнаго года въ Юрьевскомъ ветеринарномъ институтѣ вводятся новыя правила: стѣпень магистра отнынѣ будутъ получать лишь ветеринары, не ранѣе года по окончаніи института; отбывающіе по собѣ студентами нехристіанамъ и освобожденіе ихъ отъ платы за слушаніе лекцій.

14 февраля состоится юбилей: пожелову члена военнаго совѣта и почетнаго члена С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества генералъ-отъ-инфантеріи В. Д. Дандевилъ; сорокалѣтіе службы и учено-литературной дѣятельности сенатора и государственнаго контролера Т. И. Филиппова, и того-же числа начальника главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкина-Браскаменъ.

Въ хозяйствѣнномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ разсматриваются принципиальныя вопросы, касающіяся ограниченаго состава нѣмскихъ земскихъ управъ. Многія земскія собранія почти исключительно состоятъ изъ земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и волостныхъ старшинъ. Земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ запрещено участвовать въ земскихъ исполнительныхъ коммиссіяхъ, а волостнымъ старшинамъ неудобно такое участіе въ силу ихъ примыкающей обязанности.

Въ виду этого, хозяйственный департаментъ приступилъ нынѣ къ измѣненію и дополненію соотвѣствующихъ статей положенія о земскихъ учрежденіяхъ, подлежащихъ участію въ этомъ важномъ недостаткѣ.

Для перевозки русскаго керосина за-границу, товариществомъ керосинового производа бр. Нобель, по слухамъ, пріобрѣтаются для большаго океанскаго парохода, назначеннаго для транспортированія керосина въ Англію и доставки оттуда на обширныя пути каменнаго угля.

С.-Петербургъ. Вѣдомъ. сыпалъ, что возбуждаетъ весьма важный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и земледѣльцевъ, привозимыхъ въ торговые пункты и на сельско-хозяйственные продукты всякаго рода для продажи, отъ платежа торговыхъ пошлинъ.

Замѣтитъ, вѣдомъ, заводъ Малицова, по слухамъ, купленъ Москвитинъ капиталистомъ Мамонтовымъ.

Мѣстная хроника.

Нѣкоторые уѣздныя земскія управы Харьковской губерніи дѣятельно готовятся къ началу работъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ на основаніи новаго закона. Сформированы оцѣночныя отдѣленія, онѣ приступаютъ къ группировкѣ матеріала, необходимаго для оцѣночныхъ коммиссій, съ каковаго момента, собственно говоря, и начинается дѣятельность по слѣдующимъ. Въ дѣлахъ, которыми расплачиваются земства при оцѣнкѣ имуществъ по прежнимъ правиламъ, признаются настолько несовершенными, что ими не будутъ, конечно, и пользоваться. Оцѣнка имуществъ будетъ произведена на основаніи свѣдѣній, какія земскія управы дадутъ оцѣночнымъ коммиссіямъ въ настоящее время. Многія земскія управы спешатъ экспедиціонны, т. е. посылаютъ своихъ агентовъ по уѣду, въ этомъ случаѣ признанъ наиболее достигаемымъ дѣломъ. Подъ руководствомъ специалистовъ статистическихъ работъ земство на мѣстѣ получаетъ необходимый матеріалъ для правильной оцѣнки недвижимыхъ имуществъ. Такимъ образомъ, вся задача оцѣночныхъ коммиссій, вновь учрежденныхъ, заклю-

чается въ послѣднемъ актѣ этихъ работъ—произнесеніи своего рѣшенія о средней стоимости того или другаго недвижимаго имущества.

Министерство внутреннихъ дѣлъ по поводу сомнѣній дѣлности городского архитектора съ такимъ же завѣщаніемъ по губерніи высказалось отрицательно, указавъ на подлежащаго увольненію. Вопросъ возбудился по прошенію одного изъ Харьковскихъ архитекторовъ, желавшаго занять мѣсто Харьковскаго городского архитектора, остающагося вакантнымъ. О разрѣшеніи министерства по этому вопросу увѣдомлены подлежащіе учреждения въ Харьковѣ.

Податный инспекторъ Харьковскаго уѣзда, И. И. Арсеньевъ, вызванъ въ Петербургъ. Лѣтомъ прошлаго года онъ принималъ участіе въ коммиссіяхъ, учрежденныхъ при министерствѣ финансовъ для вышенія различныхъ сторонъ нашей финансовой системы съ цѣлью необходимаго улучшенія ея. Какъ говорятъ, онъ получаетъ новое, высшее назначеніе.

Членъ Виленской судебной палаты д. с. с. Фадѣевъ назначенъ членомъ Харьковской судебной палаты.

На мѣсто вѣзрски убитаго уѣзднаго члена Изюмскаго окружнаго суда по Славянскосербскому уѣзду С. К. Арцимовича назначенъ уѣздный членъ того же суда по Старобѣльскому уѣзду Столяничъ.

Членъ Харьковской судебной палаты Данилевскій, согласно прошенію, увольненъ отъ службы, за болѣзью, съ мундиромъ.

Сегодня будутъ производиться экзамены на знаніе старшаго кандидата на судебныя должности младшихъ кандидатовъ, состоящихъ при Харьковскомъ окружномъ судѣ, —Вереминъ, Кочетовъ и Штейнманъ.

Для сельскихъ обществъ Никольское и Пятницкое Усманинскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, представляющія въ Усманинскомъ городскомъ обществу управленію о правѣ собственности на 37 дес. земли, объявлены изъ владѣнія и о 25,000 руб. убытковъ.

Возражая противъ этого иска, Усманинское общество управленіе представило документы, которые удостоверяютъ, что земля, объ отобраніи которой хлопотали, застроена городскими общинами, на ней есть уже три улицы съ нѣсколькими кварталами и площадь, застроенная лавками и балаганами, чуть ли не сначала текущаго столѣтія, по какъ она пошла во владѣнію записи, ему, управленію, неизвестно.

Воронежскій окружный судъ, разсудивъ дѣло и найдя, что общество владѣло отписанною землею нѣсколькими земскими дачами, опредѣляя на основаніи давностнаго владѣнія въ исцѣль Никольскому и Пятницкому сельскому обществу владѣть за это землемъ на истинно и вознагражденіе за веденіе дѣла; но общество осталось, такимъ рѣшеніемъ недовольна и перенесла дѣло въ Харьковскую судебную палату, которая, третью для разсматривать это дѣло, опредѣлила рѣшеніе Воронежскаго окружнаго суда утвердить съ возмещеніемъ на сельскія общества, въ пользу городского общества, судебныхъ, издержекъ 470 рублѣй.

Въ числѣ дѣлъ, разобранныхъ временнымъ отдѣленіемъ Харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, было дѣло о завѣщаніи Иванова, обвиняемомъ въ томъ, что будучи командированъ въ станціонное управленіе въ качествѣ сотскаго съ данными ему 40 пакетами, арестованными разными лицами и учреждениями, онъ, чтобы избавиться отъ этой обязанности, нѣмъ въ поле, увѣнчалъ врученныя ему пакеты.

На судѣ Ивановъ объяснилъ, что жалко было терять рабочаго дня, а потому онъ и сдѣлалъ это, чтобы скоро отбѣжаться отъ такой повинности.

Палата, разсматривая дѣло и найдя Иванова виновнымъ, приговорила его къ аресту при полиціи на одинъ мѣсяцъ.

чувство собственной достоинства; оно побороло все остальное и выразилось въ приличной формѣ равнодушія и самоуверенности теловѣка, непридающаго большаго значенія совершающемуся факту. Что же въ немъ неожиданнаго и удивительнаго? Такъ и должно было случиться!

Иванъ Ивановичъ самъ не замѣтилъ своего превращенія. Сразу осязаясь съ новымъ положеніемъ, какъ-то въ одну минуту выросъ, пополнился и въ величественномъ спокойствіи, съ добродушно улыбкой принималъ поздравленія, раскланивался направо и налѣво.

Прошло три года. Въ это время многое измѣнилось въ жизни и на поприщѣхъ Иванъ Ивановича. Работы было много: надо вѣздъ посылать, надо обдумывать, надо не бездѣйствовать, но и не пренебрегать властью, надо точно и неуловимо идти по предположенной и принятой программѣ. О, это предствѣтельство! Сколько хлопотъ съ нимъ, сколько горю! Могли бы, школы, все сложное хозяйство хозяйство лежитъ на его лѣбныхъ плечахъ. Надо вѣздъ посылать, а главное—надо заботъ самого себя, но это—невозможно...

Первые попытки совершить „нѣчто“ не увѣнчались успѣхомъ. Легко предсказать, но трудно выполнить. Иванъ Ивановичъ былъ слишкомъ тяжелъ для безконечныхъ развѣдовъ; онъ смертельно звалъ за счетами; ему до-нельзя надолго бесѣды съ подражателями, онъ вѣздъ опаздывалъ, все

Старшій предствѣтель Харьковской судебной палаты, дѣятельный статскій совѣтникъ Е. Ф. Д. Роевъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы, сдать должность старшаго предствѣтеля предствѣтеля уголовного департамента судебной палаты, дѣятельному статскому совѣтнику Н. Н. Крестянову.

Мы уже сообщали о выѣздѣ въ Петербургъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютанта М. И. Драгомирова. Нов. Вр. сообщаетъ, что М. И. Драгомировъ пробудетъ въ Петербургѣ до конца февраля.

Въ виду поступающихъ отъ садоводовъ постоянныхъ жалобъ на нарушенія частными лицами правъ собственности въ садахъ, препятствующихъ правильному развитію садоводства и наносящихъ существенныя убытки садовладельцамъ, Императорское Россійское общество садоводства обратилось въ Харьковскому Обществу сельскаго хозяйства, въ числѣ другихъ такихъ обществъ, съ особымъ предложеніемъ высказаться по настоящему предмету и намѣтить желательныя мѣропріятія къ охраненію садовъ. По полученіи отбѣтовъ и окончательной разработкѣ ихъ въ правленіи Общества, послѣднее предлагаетъ обратиться съ ходатайствомъ объ изданіи особыхъ законодательныхъ положеній по возбужденному изъ вопросу.

Уѣздный членъ окружнаго суда по Харьковскому уѣзду, Н. С. Илларионовъ, какъ и въ прошломъ году, готовитъ „материалы для изслѣдованія общаго права въ Харьковской губерніи“ для напечатанія въ „Харьковскомъ Сборникѣ“, литературно-научномъ приложеніи къ „Харьковскому Календарю“. Въ теченіи года материалы собирались земскими лавками Харьковскаго уѣзда по каждому дѣлу, требовавшему своего разрѣшенія на основаніи общаго, существующаго въ данной мѣстности, отдѣльно, и требуютъ въ настоящее время нѣкоторой научной группировки. Материалы заключаютъ въ себѣ данныя по преимуществу „О правѣ наследованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда“.

Годичное собраніе акціонернаго Общества харьковскихъ конопъ желѣзныхъ дорогъ назначено 18-го марта въ Брюсселѣ. Будутъ разсмотрѣны: 1) Докладъ совѣта администраціи и коммиссара. 2) Разборъ балансовъ за 1893 годъ. 3) Назначеніе администраціи и коммиссара.

Въ засѣданіи Общества научной медицины и гігіены, 9-го февраля, между прочимъ, было рѣшено, по предложенію профессора Н. И. Ковалевскаго, уменьшить взносы для членовъ-сореволюціонеровъ съ 10 руб. на 5 руб. въ годъ. Принимая во вниманіе, что членамъ-сореволюціонерамъ могутъ быть лица, не принадлежащіе къ какой-либо научной корпораціи, а лишь интересующіяся той или другою областію медицины или гігіены, и что лица эти вступаютъ въ Общество на правахъ членовъ, нельзя не приветствовать такое постановленіе. Соотвѣственно этому, а также и намѣченны въ уставѣ дѣламъ названнаго Общества, профессоръ И. П. Скворцовъ сдѣлалъ предложеніе объ открытіи публичныхъ засѣданій—бесѣдъ по вопросамъ о воспитаніи. Въ принятіи предложенія это было принято собраніемъ очень сочувственно. Оставалось разработать проектъ организаціи этихъ бесѣдъ и привлечь слѣдующихъ въ дѣлѣ педагогич. лицъ. Къ сожалѣнію, профессоръ Скворцовъ, не смотря на просьбы, отказался взять на себя этотъ трудъ, и Общество было поставлено въ затрудненіе, не найдя возможнымъ передать организаторскій трудъ другимъ, помимо докладчика, лицамъ; пришлось по этому, отложить обсужденіе вопроса до будущаго. Изъ другихъ докладовъ, сдѣланныхъ въ этомъ же засѣданіи, обратили на себя вниманіе: 1) профессора А. Г. Подраза—„Значеніе профессора Бильбота въ хирургіи“. Въ

этомъ доклад

Разсказываю причины большого накопления недоимок, комиссии, которой дума поручила обсудить этот вопрос, между прочим, нашла, что с 1879 по 1886 год не принималось никаких мер для погашения арендаторов к своевременному внесению платежей и для выяснения образовавшихся недоимок, почему возможны были такие случаи, что годовая арендная плата за участки земли, занятой лавкою, была назначена 94 руб. 75 коп., а недоимки за аренду этого участка накопились — 1,137 руб., и подобные арендаторы продолжали занимать места, пользуясь ими, таким образом, безплатно. Комиссия указывает, между прочим, на то обстоятельство, что, например, в Красном ряду на Благотворительном базаре есть лавочки, которые сами не торгуют, а сдают свои лавки посторонним лицам и, платя за доход города по 75 руб. за место, получают с арендаторов по 400 р. и, несмотря на это, все-таки запуская недоимку.

О мхаре, как комиссии предлагало думать, для упорядочения вопроса о недоимках, мы уже на днях сообщали.

В понедельник, 14-го сего февраля, в 7 часов вечера, назначенное очередное собрание городской думы. Предметы заятий: 1. Обсуждение поправки к уставу Харьковского городского банка. 2. Жалоба мещанина Надежды Барышевой на передачу арендованного ею места на Благотворительном базаре другому арендатору. 3. Жалоба аптекаряского помощника Льва Давыдова на невиданную ему приказанную ссудистельства. 4. Жалоба крестьянина Якова Германова о неразрешении ему постройки на его дворовом месте. 5. Жалоба содержателя буфетов при вокзалах железной дороги Уразова на несправильное обложение его акцизом. 6. Промение мещанина Федора Аносова о разрешении ему открыть вино-бакалейную лавку в дом восточного направления. 7. О пожертвовании М. Д. Раевского-Ивановой в пользу городской школы рисования. 8. О пожертвовании умершим дворянином Е. М. Ждановым картин и гравюр Харьковскому музею. 9. О выражении благодарности М. И. Мусичкину за его деятельность по делу осуществления постройки Харьково-Балаганской железной дороги. 10. О сложении недоимки отбывающего сбора по имуществу мещанина Христофора Ващенко. 11. О возврате мещанину Кладко 25 руб. по аренде места под книжную торговлю в воротах городских лапоек по Университетской улице. 12. Проект обязательного постановления о возмещении заведений. 13. О подчинении добровольных заведений действию обязательных постановлений о торговле в праздничные дни. 14. Промение Н. П. Тарасенко о продаже ему городского участка из Благотворительной лавки. 15. Промение Колонидой об уменьшении цены за покупаемый ею участок городской земли по Пискуновской улице. 16. О покупке дворового места Макаровых для открытия Бассейна переулка. 17. Об устройстве деревянных торговых мостовых. 18. Дополнительная смета расходов. 19. Смета расходов по содержанию городского ломбарда в 1894 году. 20. Доклад комиссии о недоимках по арендным статьям. 21. Проект инструкции городской управы. 22. Об отводе постоянного места под устройство конюшен для передовых войск. 23. Выборы: а) членов присутствия по квартирному налогу и пожарной комиссии на место отказавшихся; б) комиссия для постройки И. С. Тургенев; в) ревизионной комиссии для проверки отчета городского банка за 1893 год; г) ревизионной комиссии по отчету городского ломбарда за тот же год; д) члена почетного совета городской детской больницы; е) двух членов городского податного присутствия и ж)

комиссии по вопросу об электрическом освещении города. Контролеры контроля Козлов-Вороневский-Ростовский и Грив-Париченский железной дороги кол. сек. Клементьев переведены на такую же должность в контроль Курско-Харьково-Азовской жел. дороги. 22-го января на Ромны-Кременчугском участке Харьково-Николаевской железной дороги случилось несчастье, которое могло кончиться такою катастрофою, которой позавидовали бы равныя «кукушки». Не доходя Ромнен верст пять, как раз на мосту через р. Сулу, в товарно-пассажирском поезде, как рассказывают корресп. «Киев», оторвался паровоз от тендера; машинист успел ухватиться за части паровоза и остался на нем, а его помощники и попутчики заняты были в то время, как сдают одною рукою попутчиков, а другою держатся за части паровоза, и когда ему перерезало руку, полетел под мостом, на лед. Машинист не растерялся и с одним паровозом поехал в Ромны и оттуда привез другим паровозом начальство и вражда. Захватили поезд и дотянули его до Ромен, а помощнику машиниста пришлось отрезать руку. Если принять во внимание, что с этого места до самой станции Ромны начинается крутой подъем железнодорожного пути со всевозможными изгибами, так как на расстоянии пяти верст пойма между приходится взбираться на такой высокой берег р. Сулы, который по своей высоте мало уступает высотам днепропетровского берега в Киев, то можно себе представить, что было бы с поездом, если бы паровоз оторвался от тендера, не доходя станции с 1/2 версты.

Образование ссудистельства технологического института дум, о чем сообщалось в «Юж. Край» от 9-го февраля, оказалось замечательным, переданным в форму студенческого петиционного института. Об этом сообщают в сессии мирового съезда, в числе прочих дел, слушалось дело об извозчик-ловком крестьянине Тихончике Долгом, обвиняемом в том, что он извозчик с железной лавки по Балаганской улице, был со своим лошадью немилосердно избит по дороге за то, что он притеснял с тяжелой нагруженностью. Такое жестокое обращение привлекло внимание не только присутствующих, но и полиции, которая составила протокол и препроводила его в мировой суд. Разобрав дело, судья нашел Долгого виновным и приговорил к 5 руб. штрафа, а при несоответствии к двухдневному аресту при доме арестуемых. Но этот приговор Долгий, основываясь на том, что свидетели несправедливо показали, перешел к мировому судье, который, рассмотрев дело, определил жалобу Долгого оставить без уважения.

9-го февраля, около 5 час. утра, на Успенской церкви в дом Успен, из квартиры мещанина Калашова, от горькой лампады загорелись оконная гардина и скатерть. Пожар был своевременно замечен и прерван, домовой арестуемый Успен, не имея причины Калашова до 75 руб. имущество застраховано в Обществе «Саломария» в 1,600 руб.

В редакцию поступило 5 руб. от «Аптекарь» — по полному счету Цеглова. **ТЕАТР И МУЗЫКА.** Считая сегодняшний спектакль одним из самых крупных музыкальных событий в городе Харькове за последние три оперные сезона, приводим в дополнение к тем справкам, которые были даны нами вчера о содержании «Майской ночи» Р. Римского-Корсакова, перечень М.М., входящих в ее состав. **Увертюра.** 1) Хоровод, Прометей. А. М. просо, Свист. Ой, дядя-Ладко, свист. 2) Песня Левка. Солнечное шило. Вечер уик. Близко. 3) Дуэт Левка и Ганни. 4) Разсказ Левка о красавице-панночке и ее матице-вдове. Давно это было. Жил-был сын в том доме. 5) Речитатив и Троицкий пбна дивушечки. 6) Гонимый и сцена пьяного Калашника и дивушечки. 7) Трío голов, Ганни и Левка. 8) Речитатив и пбна Левка и хора парубков про голову. Хлопцы, слышали ли вы. Хлопцы не кричат. Голова наша есть и крик. Горазд, как есть, а что за дураки!

наго Ивана Ивановича. Куда думишь его пашинка щипи за армянским румяным, которому могла бы позавидовать любая красавица, алая полная губы с обычной добродушно-линейной улыбкой?.. Лидо Ивана Ивановича вытанулось, пожелтело, обрзало. Свинцовые сны мшки легли под глазами, желтые билики котихи рельефно отблнны мутные зрачки, неподвижно устремленные в одну точку. Губы стиснуты, носом посвхды и весь он, как-то обезличено осл, словно старая часовая, вот-вот готова развалиться.

Тихо, лишь пбна раздается запоздалый звонок у входа, да торопливые шаги лакея, мягко ступая, потопчут по коридору, устланному суконной дорожкой. Порою в освещенных полах продвигаются старческие катаральныи кашпел, гдъ то издали доносится нетерпеливый плач ребенка и однообразное, сонное баяние кормилицы. В углу, за камином, загнув свою пбну сверчок, но тотчас же смолк, испугавшись Ивана Ивановича, который поспешно, протянув руку за бутылкой и стал наливать зину в стакан. Рука сильно дрожала, бутылка, зная, была о его край и пролила на скатерть несколько крупных темных капель.

«Скверно», пронеслось в голове Ивана Ивановича: очень скверно».

Он отхлебнул глоток, поставил стакан на стол и бросил венок какою-то странной, полускупной, полублудливой улыбкой на свои тьмы, огромные и колыхающиеся на

Действие второе.

Картина 1-ая.

№ 9) Трío голов, свояченицы и винокура.

№ 10) Сцена Калашника, забранного сплыву на хату головы, и разсказ винокура о теще и о мертвец с галушкою в зубах.

№ 11) Песня Левка и парубков про голову. Сцена свавки голови с Левком и свояченицей. Трío голов, писаря и винокура («Пусть узнают, что значит власть!»).

Картина 2-ая.

№ 12) Финал (голова, писарь, винокур, свояченица, Калашник и хор десятских).

Действие третье.

№ 13) Оркестровое вступление (картина украинской ночи). Песня Левка. Сцена Левка и панночки. Хор и хоророуд русалок, их танцы и игры в ворона. Сцена панночки и Левка.

№ 14) Сцена голов, писаря, винокура, Левка и десятских. Хорошая русальная пбна. Сцена Ганни и Левка.

№ 15) Финал. Сцена Ганни, Левка, голов, винокура и писаря. Хор: Солнечку красную слава, Свблному мбну слава, Молодцу с дивной слава.

По словам «Нов. Дня», профессор филармонического училища А. И. Ильинский пишет оперу на либретто, составленное по Бахчисарайскому фонтану А. С. Пушкина; пока написано одно действие, которое будет поставлено в учебном спектакле филармонического училища.

Вопрос о поступлении г. Тартакова на Петербургскую казенную оперную сцену решен окончательно. Дирекция предлагает талантливому баритону на первый год 6,000 руб., на что последний согласен. Надлежащим образом, с-Пет. Вд., будет подписан контракт.

Петербургские газеты сообщают о приглашении на сцену Александрийского театра, в Петербург, почетным артистом С. П. Волгиной. Дебюта г-жи Волгиной в Александрийском театре состоится в воскресенье, 15-го февраля, в спектакле «Петербургская газета», что разнашей сцене нужна артистка на сильных драматических роли, — г-жа Волгина среди всех провинциальных премьерш имеет наибольшую права на звание этого ампула на нашей образованной сцене.

Вести с юга.

Изюмский уезд. (Корреспонденция «Южного Края»). В сел. Ивановых-Калашниковых, Изюмского уезда, осенью 1892 года учреждено церковное попечительство под председательством дворянина А. В. А., человека умного и очень энергичного. Пользуясь обширными знакомствами, людьми своего круга, г. председатель попечительства собрал значительные пожертвования деньгами и хлебными материалами. На собранные деньги решено было прежде всего исправить на церкви крышу, покрасить ее, кресты и главы поволотить и подновить старинные живопись на церкви и на воротах церковной ограды. Все это теперь сделано очень толково и практично. Хотелось г. председателю отштукатурить церковь и каменную ограду, для чего он собрал приходящих крестьян в сборную избу и просил их посодействовать ему, так как и церковь, и ограда обвалились до голых кирпичей; но крестьяне, послушав наивного одного проходивца, отказались от всякой помощи. Из собранного им от соседних помещиков леса, председатель предполагал сделать церковную сторожку в таких размерах, чтобы там могла поместиться и школа. Приготовил пластыни, доски, балки и пр. и стал поговаривать уже о найме плотников. Но непредвиденная семейная обстоятельство заставили в

святых обоях стбны. На думи его было жутко. Он перевел глаза с тьны на вбналку с мундром... Точь в то удивленные, руки раскинул, голову повесил. Вот сейчас шапка приподнимется и синяговое лицо с открытым ртом и выпученными, кровавыми глазами вытанулось из под неа. Ему показало, что рукава зашевелились и блестящий воротник мундира, с собольей пашкой сверху, тихо повернулся в его сторону. Иван Иванович порывисто вскопал с мбта, рванул с гвоздя мундир и бросил его на пол. Он мягко шлепнулся и расползся широко раскинув рукава, точь в тоь как снятый с петли покойник... «Черт знает, что по голову ает! Ах, нервы проклятые!», подумал Иван Иванович и мрачно зашагал по комнатам. Положение его было безвыходно. Он запутался окончательно. Честь и состояние — все поидет прахом... Он встал, ханчал, просил, совтывался. Он хотл сразу разругать гордость узла, запутавшийся впроломленные трехтвляи. Он работал как Геркулес; не спал ночи, измучился, разстроил нервы и все напрасно.

Проклятые, думал он, сжима кулаки, подвывая, погубили... идоты. Ничего личного не смислит, никто ничего не посоветует. А тб... торжествуют, злорадствуют... публично оскорбляют, с грязью смывають... за что... что делать?... гдъ выход? Первно-дражащая рука потянулась к предмету, закрытому фуляром, и вынула из под него револьвер. «Одно спасение!», прошептал Иван Иванович, и вздрогнул. Одинок момент нестерпимой смертельной боли и — конец. Спокойствие, блаженство... Погорь, ничто, все вздор... Он скрикнул крбико стиснутыми зубами и поднес револьвер к лицу. Одинок момент... Трушу, боюсь... Чего боюсь — смерти? Нбтъ, не смею боюсь: «умереть — уснуть...» Лицо его искривилось в жалкую, страдальческую улыбку. Так, кажется, Гамлет сказал: «умереть — уснуть». Все забыть — хорошо! Он непреодолимо повел глазами и взгляды его остановились в зеркале. Он вздрогнул. — Кто это? Из стекла глядело на него земистое лицо, с тусклыми, почти безумными глазами. Сбда пряди волос беспорядочно торчали на голове. Подбородок дрожал, и вздернутая верхняя губа обнаруживала блые, черные-выпавшие зубы.

Иван Иванович отпрянул от зеркала. — Что это, — мерзость, страшная; да это я, — что-же боюсь?... Вот это моя рука, мое лицо, только оно так блдно и глаза... какие страшные, жалкие глаза... — Звонят, ну, и пусть их звонят... Бгануть... и зачлв бгаты, куда?... Утром вс встанут... кофе. Запугать... а мб... личе не надо. Постучать — нбтъ отвбта... Скажут — заспанна барин... Он грустно поныл головою...

Щелкает курок, выстрл ушли, приблугут. Полиция... народ... мерзость... Выломают двери, а я... один на полу неподвижный... окоченевший в луж крови... Идите, любите, торжествуйте проклятые! Мама, блдлая, покаяйтесь... Ома Омичъ прилетает, начнть всхлипать: глаза — на мокром мбст... Тетка заплетает... Пусай она поплачет, ей ничего не значить, пронесся в ум знакомый мотив романа. Он поднес револьвер к виску. — Смерть... страшно... да не могу же я, не могу... Он закрыл лицо свободною рукою и из груди его вырвалось тяжелое рыдание. Жгучий, блкий слеза одна за другой потакали по щекам и слегка облегла его.

Затих Иван Иванович и обрадованный сверчок снова затанул свое пбну.

Голова тяжела, тяжела, словно свинцом налита. Сердце что-то сохнет, как тысяча голодных пиявок, и неотвратная мысль: «пора, пора», — неумолимо преследует его.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Вздрогнул Иван Иванович и обрадованный сверчок снова затанул свое пбну. Голова тяжела, тяжела, словно свинцом налита. Сердце что-то сохнет, как тысяча голодных пиявок, и неотвратная мысль: «пора, пора», — неумолимо преследует его. Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры. Вздрогнул Иван Иванович и обрадованный сверчок снова затанул свое пбну. Голова тяжела, тяжела, словно свинцом налита. Сердце что-то сохнет, как тысяча голодных пиявок, и неотвратная мысль: «пора, пора», — неумолимо преследует его.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры. Вздрогнул Иван Иванович и обрадованный сверчок снова затанул свое пбну. Голова тяжела, тяжела, словно свинцом налита. Сердце что-то сохнет, как тысяча голодных пиявок, и неотвратная мысль: «пора, пора», — неумолимо преследует его.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры. Вздрогнул Иван Иванович и обрадованный сверчок снова затанул свое пбну. Голова тяжела, тяжела, словно свинцом налита. Сердце что-то сохнет, как тысяча голодных пиявок, и неотвратная мысль: «пора, пора», — неумолимо преследует его.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

Огромная, черная тьма, дрожь и кивал, то смежается, темнеет и убывает, то блбднеть и расширяется в какую-то огромную, безобразную фигуру. «Пора, пора», шепчет она за спиной. Сбда нагорбля, и черный фитиль, облитый пламенем, скрипящий, лижет старинный, расплавленный, выливает по краям свчи страшный, причудливый фигуры.

студенческие работы, представляющая в отчетном году. Всех медалей присуждено: золотых 13, серебряных 17. На торжестве присутствовали: митрополиты Палладий и Иоанний, товарищ министра народного просвещения князь М. С. Волконский, почетный Петербургского округа М. П. Калустин, государственный контролер Т. И. Филиппов, и много других высокопоставленных лиц. Вечер

вЪ ЖЕЛЪТКАХЪ ВЪ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ $\frac{3}{4}$ И $\frac{1}{6}$ ЕНЛОГР.